

А.В. Горбунов
A.V. Gorbunov

**БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ В 1937 г. –
ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ ЮБИЛЕЙ**

**BORODINO BATTLEFIELD IN 1937 AND THE FIRST
SOVIET CELEBRATION OF THE ANNIVERSARY
OF THE BATTLE**

В статье на основе материалов дела, поступившего в научно-ведомственный архив Бородинского музея-заповедника из архива Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, фотоматериалов и газетных публикаций описано бедственное состояние памятников Бородинского поля в середине 1930-х гг. Деятельность руководства Бородинского музея по их сохранению показана в контексте противоречивого отношения к Бородинскому полю органов государственной власти.

The article, based on the documents, received by the scientific archive of the Borodino Museum-reserve from the General staff archives of the USSR Armed Forces, photographs and newspaper publications, describes the poor state of the Borodino monuments in the mid-1930s. The activities of the Borodino Museum's management to preserve them are shown in the context of the contradictory attitude of state authorities to the Borodino.

Ключевые слова: Бородинское поле, Бородинское сражение, монументы, музей, реставрация, сохранение.

Keywords: Borodino battlefield, battle of Borodino, monuments, Museum, restoration, preservation.

В истории Бородинского поля как объекта культурного наследия и Бородинского музея-заповедника есть годы, которые можно назвать без преувеличения «черными веками». После юбилейных торжеств 1912 г. Бородинское поле стало уникальным военно-исто-

рическим мемориалом. Состояние Бородинских музеев и памятников сразу после революционных потрясений высоко оценил член Комиссии по охране памятников искусства и старины Мосообрсовета Н.А. Андреев, который подтвердил, что на поле существуют четыре музея – на станции, в монастыре, «против главного памятника», в Бородинском дворце. Он отметил, что «существует тенденция некоторые памятники снести. Бюст Императора Александра II разбит и свален с пьедестала...», и предложил сконцентрировать эти музеи в один, у батареи Раевского, что и было сделано.

До 1924 г. Бородинский музей являлся филиалом Военно-исторического музея, затем был передан в ведение Российского исторического музея, а согласно постановлению СНК РСФСР от 15 сентября 1925 г., стал подчиняться Московскому отделу народного образования (МОНО), затем Мосгубмузею. Фактически музей стал зависеть от Бородинского волостного исполкома (ВИК), с постановлениями которого – «рекомендациями» – должен был считаться МОНО. Яркий пример этого содержится в протоколе Бородинского ВИК от 3 июля 1928 г.: «Существующий штат в музее в числе трех человек (завмузеем, сторож и уборщица) при данной работе музея преувеличен, где без всякого ущерба представляется возможным обслуживание музея двумя работниками, т.е. завмузеем и сторожем, возложив обязанности уборщицы на последнего (на сторожа)». Одновременно указано: «Принимая во внимание, что часто имеются случаи порчи памятников и других ценностей со стороны населения, необходимо работникам музея установить строгий надзор за содержанием всех ценностей, принадлежащих музею»¹.

Пиком разрушений в Бородино стало уничтожение в 1932 г. Главного монумента. С разрешения Комиссии по архитектурной реставрации Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса так называемый памятник Раевского был разобран, его основание взорвано, и чугунный лом общим весом 320 тонн продан Рудметаллоторгу.

О последствиях этого говорит отчаянное письмо директора Бородинского музея П.В. Абросимова в Московское общество охраны

природы от 8 октября 1935 г.: после того как был снесен «главный памятник на Батарее Раевского... появились варварские настроения как среди отдельных лиц окружающего населения, так и среди отдельных лиц, возглавляющих учреждения. Что, в результате, привело к разрушению остальных памятников. По аллее, связывающей музей с Батареей Раевского истребляются насаждения допуском скота. А земельная площадь между музеем и Батареей Раевского отдана колхозу – ежегодно запахивается»².

«Довольно хранить наследие проклятого прошлого!». Перестал ли этот призыв, написанный на стене Спасо-Бородинского монастыря (просматривается сквозь краску и поныне), быть актуальным в год 125-летия Бородинского сражения? В какой степени изменилось состояние Бородинского поля после разоблачения «антиисторической концепции Покровского» и постановления 1934 г. о преподавании гражданской истории?

Судя по статье М.Ф. Прохорова и Е.В. Пчелова «О состоянии Бородинского военно-исторического музея в 1930-е годы», материалы по истории Бородинского поля за эти годы в Государственном архиве Московской области сохранились фрагментарно³. В Можайском районном архиве они отсутствуют. Это придает особую ценность архивному делу «Зарисовки и материалы по Бородину», которое хранится в научно-ведомственном архиве Бородинского музея-заповедника и было введено в научный оборот заведующим архивным сектором Л.А. Фисенко⁴. Оно позволяет, в сочетании с газетными публикациями и фотоматериалами, определить состояние монументальных памятников Бородинского поля и оценить работу по их реставрации, которая проводилась на месте и вышестоящими органами власти в связи с этим юбилеем.

В деле, начатом 9 августа 1936 г. и оконченном 29 декабря 1937 г., содержатся материалы, которые поступили в военно-исторический отдел Генерального штаба РККА из музейного сектора Московского областного отдела народного образования (МООНО) в ответ на его отношение от 8 января 1937 г., без каких-либо пометок и резолюций. В Бородинский музей оно было передано в 1965 г. из

Отдела хранения документальных материалов Генерального штаба ВС СССР. Наиболее информативными документами в этом деле являются акт обследования технического состояния монументов (май 1935), акт необходимого ремонта памятников и выделения вокруг них земельных участков (декабрь 1935) и записка о выделении охранных земель (январь 1936).

В мае 1935 г. для уже не первого обследования Бородинских памятников, определения их технического состояния и объема ремонтных работ МООНО командировал архитектора-реставратора Николая Алексеевича Пустоханова. В составленном им 11–12 мая акте (написан от руки) перечислены разрушения 37 «мемориальных памятников» и рекомендации по их минимально необходимому ремонту. К акту приложены 16 рисунков памятников с выделением красным цветом их утраченных элементов. Чтобы оценить профессионализм и реализм требований архитектора, приведем несколько примеров.

Наиболее частые повреждения монументов связаны с утратой на них металлических деталей: «Памятник Л.Гв. 2-ой Артиллерийской бригады. Утрачено: нет 2-х мемориальных медных досок. По углам пьедестала были установлены дула пушек, они повидимому изъяты, как цветной металл, но работа при изъятии производилась небрежно и без расчета на дальнейшее существование памятника в целом. Вид памятник имеет крайне неряшливый. Ремонт: необходимо в первую очередь забрать отверстия от крепления бывших орудий с телом пьедестала, чтобы предохранить памятник от разрушения. Вторая очередь – остроумно задрапировать места по 4-м углам. Пример: можно рекомендовать гранитные или цементные колонки; можно установить цветные гранитные простые уголки»⁵.

Одним из наиболее разрушенных стал памятник 1-му и 19-му егерским полкам: «Памятник – 109-го Пех. Волжского полка, б. памятник-часовня. Сильно пострадал. Утрачено: все мраморные мемориальные доски. Все мелкие бронзовые украшения. Сильно опала штукатурка, а с ней и все профилированные части, особенно канелюры колонн. Ремонт: требует капитального ремонта. Не менее 3 ½ т. руб.»⁶.

Памятник Нежинскому гусарскому полку был уничтожен полностью: «Памятник 18-го Гусарского Нижинского полка (за селом Бородино) был сделан из цинка, погиб... Осталось основание из бетона. Восстановить не представляется возможным и вряд ли это необходимо... см. рисунок. Рекомендую: Коробку засыпать кирпичным боем, забетонировав верх, и укрепить мемориальную простую доску с обозначением места позиции»⁷.

Для сохранения некоторых памятников были рекомендованы профилактические меры: «Памятник 3-й пехотной дивизии ген.-лейтенанта Коновницына полков /в ограде м-ря/. Хорошей сохранности. Желательно установить железную решетку, чтобы предупредить в дальнейшем его хорошую сохранность от возможной порчи его детьми-школьниками. Школа размещена также в ограде м-ря»⁸.

Особое внимание Н.А. Пустоханов уделил батарею Раевского. Он подробно описал состояние места, где находился «Главный Бородинский памятник», предложив сохранить то, что осталось, – сильно поврежденный склеп могилы П.И. Багратиона. Для этого следовало обложить его кирпичем и установить как надгробие один из «имеющихся в бывшей монастырской ограде могильных камней (потерявших значение)», сделав соответствующую надпись. Огромную и безобразную яму (9 на 12 метров и 6 метров глубиной) на месте взорванного и превращенного в карьер фундамента Главного памятника архитектор предложил сделать небольшим прудом. В результате этих, как подчеркнул Пустоханов, временных мер «Место будет иметь пристойный и простой вид. Необходимые затраты выразятся около 5–7 000 руб.»⁹.

На полную реставрацию Бородинских памятников требовалось около 30 000 рублей. Уверенная в обоснованности этих работ, но понимая, что МООНО не сможет выделить такую сумму, старший научный сотрудник по охране памятников Н.К. Макарова 25 июля написала докладную записку с предложением от «инспектуры по музеям» «обратиться за материальной помощью к соответствующим заинтересованным ведомствам и, в первую очередь, к Наркомату Обороны СССР и др.». Она отметила: «Показ Бородинского поля

включен в план комплексной экскурсии Военно-Исторического музея, посещаемого в летнее время большим количеством трудящихся со всего Союза, интуристами, особенно французами и представителями Дипломатического корпуса. Между тем Бородинское поле в существующем теперь виде производит крайне тяжелое впечатление картины разрушения».

В деле есть копия письма заместителя заведующего МООНО Бродского на имя Председателя Комитета по охране памятников при Президиуме ВЦИК Ф.Я. Кона с просьбой «распоряжения об отпуске из средств комитета» указанной суммы, с трогательной припиской «О последующем МОСОБЛОНО просит не отказать его уведомить». Ответа в деле нет, но в январе следующего года как дополнительный обосновывающий материал в Комитет был направлен музейный акт обследования Бородинских памятников.

Акт от 7 декабря 1935 г. был составлен комиссией, состоящей из заведующего Можайским музеем местного края Власьева Н.И. и директора Бородинского военно-исторического музея Абросимова П.В. Они «произвели осмотр памятников Бородинского поля на предмет: а) ремонта их и б) выявления размеров земельных площадок под ними для отчуждения таковых из земель хозяйственного пользования, в виду предстоящих передач колхозам актов на вечное пользование землей». В акте, кроме монументов, говорится о ремонте «бывших» домика Тучковой (крыша, полы, окна, восстановление террасы) и церкви Спаса (крыша, восстановление ампирной резной решетки перед входом), Бородинской церкви (крыши, рам, пола и стекол), Бородинского дворца (восстановление террасы с юга). На северной Багратионовой и даже Масловских флешах запланирована очистка территории от кустарника и бурьяна. Землеотводы «по 10 метров во все стороны от памятника, с открытием доступа от дороги» предусматривались не только вокруг монументов, но и около земляных укреплений. Особо сказано, что «кроме всех перечисленных памятников и мест необходим отвод земельных участков под места бывших русских и французских батарей, ретраншементов и братских могил / по планам: а/ Бородинского поля сражения, при-

ложенного (схема) к книге М.С. Свечникова «Бородино» изд. 1935 г. и плану, приложенному к путеводителю Балтийского “Бородино”»¹⁰.

Предложения по ремонту монументов директора местных музеев ограничили цементированием постаментов и цоколей, восстановлением мемориальных досок, столбов и цепей ограды. Их предложения по месту «бывшего главного Бородинского памятника» было лаконичным: «Заровнять площадку холма на месте бывшего памятника с закладкою или устройством щита с западной стороны склепа бывшего гроба Багратиона».

Летом 1936 г. развернулась настоящая борьба между МООНО и областным дорожным отделом за спасение памятника Кутузову. Ремонтируя Можайское шоссе (в документе – Смоленское), дорожники подрыли фундамент монумента в д. Горки и выбрали часть бутового камня. В деле есть докладная записка зав. Мособлоно Андреева в Президиум Мособлисполкома и проект постановления, в которых предлагается «указать Дорожному отделу на недопустимость использования памятников Бородинского поля для хозяйственных целей», срочно «вывести склад подрывных припасов из внутреннего помещения памятника Несвижскому гренадерскому полку (1 и 19 егерским – А.Г.) и выделить 4000 рублей на ремонт поврежденных памятников. Главным аргуменом являлось «большое количество экскурсантов, в числе которых бывают представители Р.К. Красной армии, представители иностранных миссий и интуристы»¹¹. Разрушение памятников прекратилось, сведения об их ремонте отсутствуют.

23 июня 1936 г. заместитель заведующего. Мособлоно Славинская подписала приказ «...Заведующему Военно-Историческим Бородинским музеем тов. Абросимову произвести реставрацию монументальных памятников Бородинского поля» на средства МООНО в сумме 3000 руб. в срок до 15 августа. В перечне реставрационных работ первым пунктом указано: «Приведение в порядок и благоустройство места бывшего памятника и могилы П.И. Багратиона». По другим 11 памятникам планировался только мелкий ремонт: проливка трещин известковым раствором, заделка отверстий, промывка. Ответственным исполнителем работ был назначен архитектор

Пустоханов. Комитет по охране памятников деньги не выделил, но утвердил проект надписи на могиле Багратиона: «здесь погребен командующий 2-ой армией князь Петр Иванович БАГРАТИОН, умерший 12 сентября 1812 г. от раны, полученной в Бородинском бою 26/ VIII – 1812 г.».

Последний по дате документ дела – командировочное удостоверение Макаровой для поездки 3–5 августа в Военно-исторический Бородинский музей «для разрешения организационных вопросов по реставрации исторических памятников Бородинского поля». Ее рукой на нем написано: «Была 3/ VIII 36 в Можайске и уладила все вопросы (посылка техники и пр.) с местными учреждениями РИКА – (РОНО, РАЙЗО) в присутствии представителя музея т. Власьева»¹².

О выполненных в 1936 г. на батарее Раевского работах можно судить по фотографиям, сделанным летом 1937 г. корреспондентом газеты «Правда» С.И. Струнниковым. На первой мы видим надгробный «могильный камень» традиционной формы из полированного гранита, но без креста и надписи. Он установлен на возвышении, очертание которого соответствует верхней части засыпанного землей могильного склепа. Основание памятника сложено из каменных блоков, как предлагал Пустоханов, «штучных гранитных камней». Благоустроительные работы явно не закончены, но судя по растущей у подножия траве и ромашкам, памятник поставлен годом раньше. Этот же памятник сфотографирован на вершине холма – батарее Раевского. К нему от музея идет запущенная, неухоженная, невыкошенная дорожка, обсаженная по краям маленькими елками и лиственными деревьями. В здании музея Струнников смог сделать снимки только нескольких экспонатов и разобранного макета, похоже, что там начинался ремонт.

Мы не можем уверенно определить, когда были сделаны эти фотографии – до или после того, как по поручению Совнаркома СССР Бородинское поле посетили представители Наркомпроса и Генерального штаба РККА. Согласно их отчету от 20 июня за подписью наркома просвещения А.С. Бубнова, «памятник Багратиону и склеп при нем... разобран с основанием и фундаментом» и

его восстановление «не представляется возможным. Необходимо только площадь, занимавшуюся раньше памятником Багратиона, очистить, соединить широкой аллеей с музеем Бородинской битвы, сделать газоны, цветники и поставить мемориальную доску». Очевидно, что к этому времени «безобразная яма» на холме была засыпана, но отсутствие упоминания о надгробии и необходимость мемориальной доски говорит о том, что «могильного камня» на склепе уже не было.

Комиссия признала, что сохранившиеся 35 монументов, 5 флешей, мавзолеей-церковь Тучковых и домик Тучковой «имеют историческую и художественную ценность». «Для приведения памятников в полный порядок необходимо произвести цементирование камней, заливку швов свинцом и цементом, оштукатуривание, восстановление оград, надписей, мемориальных досок, очистку и т. д.; устроить дорожки вокруг памятников и подходы к памятникам от существующих дорожек». Работы по реставрации памятников, включая здание музея, были оценены на сумму 105 тыс. рублей. Отчет завершен личным мнением наркома: «Ввиду того, что Бородинское поле, памятники и музей имеют военно-историческое значение, считаю необходимым передать Бородинский музей, памятники и панораму Наркомату Обороны, изъяв из ведения Мособлисполкома, возложив на Наркомат Обороны производство всех реставрационных и ремонтных работ к 125-летию Бородинской битвы»¹³.

Передача Бородинского поля, судя по тому, что указанное дело было передано в Штаб РККА в январе 1937 г., прорабатывалась на уровне наркоматов и летом, но не состоялась. Памятники оказались в «подвешенном» с точки зрения ведомственной принадлежности состоянии. Деньги на их реставрацию были выделены Наркомпросом лишь в середине августа. Руководивший ремонтом памятников архитектор Н.А. Пустоханов был арестован 26 июня 1937 г. и в ноябре того же года расстрелян за «антисоветскую агитацию, высказывание террористических намерений и незаконное хранение оружия»¹⁴.

Буквально накануне юбилея, 5 сентября, в газете «Советское искусство»¹⁵ появилась статья «На Бородинском поле», наполненная

обличительными, во многом справедливыми, формулировками в адрес Наркомпроса: «Антиисторические традиции, широко посеянные “школой” М.Н. Покровского, сказались и в деятельности наших музейных организаций. Настойчиво и упорно отмахивались они – буквально до самых последних дней – от малейшей заботы об исторических памятниках, связанных с 1812 годом. Именно здесь надо искать корни того пренебрежения, с которым музейное управление Наркомпроса реагировало на все указания печати о запущенности памятников Бородинского поля, о заброшенности панорамы акад. Рубо и т.д. Неслучайно могилы и обелиски Бородинского поля оказались не включенными в список заповедников, находящихся на учете и под контролем Комитета по охране памятников при президиуме ВЦИК. Стараниями вредителей–“музееведов” Бородинское поле было отнесено к числу местностей, имеющих... районное значение. И сейчас еще Бородинское поле находится в ведении Можайского райисполкома».

Сказано здесь и о том, что подтверждается изученным нами делом – «Старое руководство Московского облисполкома не проявило никакой заинтересованности в памятниках Бородинского поля и отвергло целый ряд мероприятий, предложенных музейной инспектурой облОНО. А провести их следовало бы в самом срочном порядке».

Невозможно согласиться с другим заключением автора – что «довели памятники на братских могилах до разрушения, а небольшой одноэтажный домик Бородинского военно-исторического музея привели в такое состояние, что еще неделю назад в него страшно было войти» <...> «малокультурные люди, возглавившие и возглавляющие Можайский музей». Изученные нами документы говорят об обратном. Оба директора, Абросимов и Власьев, не только многократно пытались решить вопрос ремонта памятников, но ставили и перспективные задачи передачи музею земельных участков и панорамы Ф.А. Рубо, устройства природного парка, проведения археологических работ, сохранения полевых укреплений.

Выразив надежду, что авральная работа в последние дни перед юбилеем будет успешной, автор считает главным другое: «Нужно,

чтобы 7 сентября явилось переломным моментом в отношении Московских организаций к Бородину. Надо, чтобы Бородинское поле превратилось в памятник, куда в весенние, летние и осенние месяцы постоянно стремились экскурсанты, где все это время велась бы большая культурно-политическая работа». По мнению автора статьи, «Все эти провалы будут восполнены, недочеты устранены, если изменится самое отношение к Бородинскому полю, как к историческому памятнику, если оно станет тем, чем оно должно давно уже стать – памятником республиканского, а не районного только значения». Отметим сразу, что Бородинский музей получил статус областного в январе 1939 г., в 1947 г. стал республиканским. Бородинское поле памятником республиканского значения стало в 1960 г., а его границы и режимы содержания утверждены в 2012 г.

О том, как прошли на Бородинском поле юбилейные мероприятия, говорит номер газеты «Правда» за 8 сентября. Небольшое сообщение под названием «В день исторической годовщины», без фотографий, напечатано на последней, шестой полосе в окружении заметок о новых нефтяных фонтанах, французских гостях в Москве и Киеве, встрече детских футбольных команд и разных объявлений. Оно начинается словами «БОРОДИНО. 7 сентября. (Спец. корр. ТАСС). Сегодня, в день 125-й годовщины Бородинского сражения, по дороге, ведущей к Бородину, потянулись десятки грузовиков, автобусов, крестьянских подвод. Из Можайска ежечасно отправлялись к Бородину автобусы. Места в них буквально брались с боя. Были пущены и специальные поезда до станции Бородино. Из столицы приехало много экскурсантов, в том числе красноармейцы московских войсковых частей»¹⁶ (около 10 тысяч человек). В 11 утра был открыт музей в отремонтированном здании (главные экспонаты – макет, картины Верещагина, эскизы Рубо, мундиры русских и наполеоновских солдат, портреты), затем шли экскурсии по памятникам. «Вечером с кургана, где 125 лет назад стояла батарея Раевского, героически отражавшая натиск противника, была проведена интересная радиопередача. Она транслировалась по всей стране». О каких либо торжественных мероприятиях (митинг, возложение цветов) и присутствии руководителей

хотя бы районного уровня в сообщении не упомянуто. Годовщина отмечалась в рабочий день, во вторник. Отметим, что в этом же номере газеты напечатана статья «Героическая поэма о 1812 году» (речь идет о романе «Война и мир»), которая завершается неожиданными для того времени словами: «У русского народа есть славное прошлое, есть история, заполненная замечательными страницами, рассказывающая поколениям о великих трудах и великой борьбе. Война 1812 года записана на одной из таких страниц».

Состояние Бородинского музея в дни празднования 125-летия Бородинского сражения можно оценить по кадрам документальной хроники. Она снята, вероятно, в сентябре, но позднее, поскольку показывает на поле и в музее лишь немногочисленных посетителей. На кадрах видно, что отремонтированы частично памятники М.И. Кутузову (нет барельефа с лицевой, южной стороны) и лейб-гвардии Егерскому полку (восстановлены цепи и лестница, нет мемориальной доски). На Батарее Раевского слева и справа от отсыпанной песком дорожки появились две даты: 1812 и 1937, выложенные дерном. Красноармейцы с интересом изучают стволы двух единорогов с горками ядер, лежащие на низких каменных постаментах у остатков ограды Главного монумента. На месте склепа мы с удивлением видим земляной могильный холмик без мемориальной доски и какой-либо надписи и даже цветов. Больше всего в трехминутном ролике показана новая музейная экспозиция.

Вскоре после юбилея директором Бородинского музея был назначен молодой и энергичный С.И. Кожухов. Нарком просвещения А.С. Бубнов был арестован 17 октября как «враг народа» и расстрелян в 1938 г. Директор Можайского музея, известный краевед Н.И. Власьев арестован 28 марта 1938 г. и расстрелян 4 июня за «шпионаж в пользу Польши». Через год после юбилея в «Правде» был напечатан маленький фельетон «Скажи-ка дядя...», который начинался словами: «Разные бывают дяди. С благословения дядей, сидевших в Наркомпрозе, исторические памятники на знаменитом Бородинском поле систематически уничтожались. <...> Теперь уже точно установлено, что дяди, орудовавшие на историческом Бородинском поле, разорjali его

не по глупости, а сознательно. Враги народа знали, что своими преступными действиями они уничтожают государственные ценности, оскорбляют достоинство великого народа, именно здесь, на этом поле, нанесшего смертельный удар Наполеону Бонапарту»¹⁷. Отметив, что некоторые памятники в прошлом году обновлены, автор, Н. Кружков, сетует: «самое скверное – еще не перевелись дяди, мешающие организовать работу Бородинского музея так, чтобы он был достоин того исторического события, которое призван освещать». Примерами вынужденного «прозябания» музея он называет отсутствие экскурсионной базы, автобуса, малый штат (3 человека), недостаток материалов для ремонта. Вопиющий пример – разговор с заведующим музейным отделом Наркомпроса тов. Радус-Зеньковичем: «Его однажды спросил директор Бородинского музея насчет восстановления памятника Багратиону. – Стоит ли популяризировать этого генерала?! – отвечал он. – Поставьте плиту, а памятник ни к чему».

Временный памятник над склепом Багратиона был все-таки вскоре установлен. По воспоминаниям местной жительницы, его сделал «Иван Рычков из д. Горки, (вдовый, 5 детей) в 1937 г.». Скорее всего это произошло не ранее осени 1938 г. – ведь Н. Кружков его не видел. На снимок из альбома Можайского учителя Н.Н. Кудринского он попал еще в рабочем состоянии. Самое удивительное – слева от нового памятника, чуть вдали, виден традиционный, легко узнаваемый «могильный камень». Но не тот, который был на фото Струнникова...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прохоров М.Ф., Пчелов Е.В. О состоянии Бородинского военно-исторического музея в 1920-е годы. Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы. Можайск, 2008. С. 105, 106.

² Документы Архива Генерального штаба: Зарисовки и материалы по «Бородино» для временного использования получены из Музейного сектора МОНО, 1935–1937 гг. // НВА ГБВИМЗ. Оп.3. Д. 80. Л. 19. (Далее – Документы архива Генштаба).

³ См.: Прохоров М.Ф., Пчелов Е.В. О состоянии Бородинского военно-исторического музея в 1930-е годы. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2009. С. 101–211.

⁴ См.: *Фисенко Л.А.* Воссоздание Главного монумента и восстановление могилы П.И. Багратиона на Батарее Раевского в документах музея-заповедника «Бородинское поле» (к 30-летию событий). // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2018. С. 144–150.

⁵ Документы архива Генштаба.// НВА ГБВИМЗ. Оп.3. Д. 80. Л. 33.

⁶ Там же. Л. 39.

⁷ Там же. Л. 38 об.

⁸ Там же. Л. 35 об.

⁹ Там же. Л. 38.

¹⁰ Там же. Л. 27 – 28об.

¹¹ Там же. Л. 11.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ Бородино. За веру, царя и отечество. М., 2002. С. 79–80.

¹⁴ Установлено Л.А. Фисенко.

¹⁵ Советское искусство, газ. №41 (387). 5 сентября 1937 г. Статья выявлена С.Н. Хомченко.

¹⁶ Правда, газ. № 248 (7214). 8 сентября 1937 г.

¹⁷ Правда, газ. № 240 (7565). 31 августа 1938 г.